

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'42:34
ББК Ш105.51+Х0

ГСНТИ 16.31.61

Код ВАК 10.02.19, 10.02.01

М. В. Батюшкина
Омск, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ МОДЕЛИ КЛАССИФИКАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

АННОТАЦИЯ. Данная статья отражает общие положения теории лингвистических экспертиз. Исследуются понятие и классификация лингвистических экспертиз по различным основаниям. Затрагиваются проблемы определения предметной стороны лингвистической экспертизы в аспекте парадигм теоретической и прикладной лингвистики. В качестве объекта исследования теоретической и прикладной лингвистики выступает речевая коммуникация в ее языковом и речевом аспектах. В зависимости от предмета лингвистической экспертизы — языкового или речевого аспектов — лингвистические экспертизы условно могут быть отнесены к языковедческому или речеведческому. Если в качестве объекта лингвистической экспертизы выступают языковые единицы, то такая экспертиза является языковедческой; если в качестве объекта лингвистической экспертизы выступают письменный, печатный, электронный или устный тексты как речевые знаки, продукты речемыслительной деятельности, то такая экспертиза является речеведческой. Освещены некоторые актуальные вопросы в сфере взаимодействия языка и права. Проводится анализ применения лингвистической экспертизы в аспекте юридического дискурса, а также правотворческого, правоприменительного и судебного субдискурсов. По типу субдискурса выделяются правотворческие, правоприменительные и судебные лингвистические экспертизы. Обозначены их функции и предмет. Акцентируется внимание на том, что успешность проведения лингвистической экспертизы во многом зависит от знаний эксперта в области лингвистики, права и экспертологии. Методологическую базу исследования составляют положения теории дискурса, теории речемыслительного процесса. Выводы и обобщения, сделанные автором, могут быть использованы для проведения дальнейших исследований по данной проблематике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая экспертиза; язык права; юридический дискурс; дискурс-анализ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Батюшкина Марина Владимировна, кандидат педагогических наук, старший консультант отдела лингвистической экспертизы и систематизации законодательства правового управления Законодательного собрания Омской области; 644002, г. Омск, ул. Красный Путь, 1; e-mail: soulangeana@mail.ru.

Вводные замечания

Особенности функционирования языка в юридической сфере представляют большой интерес как для лингвистов, так и для правоведов (С. С. Алексеев, К. И. Бринев, Л. О. Бутакова, Е. И. Галяшина, Н. Д. Голев, М. В. Горбаневский, М. А. Осадчий, О. П. Сологуб, А. С. Пиголкин и др.). Язык рассматривается в качестве одного из ключевых факторов становления и совершенствования российской правовой системы, развития правосознания и правовой культуры. Благодаря лингвистическим методам, средствам и приемам достигаются цели правовой коммуникации.

Анализ правотворческого, правоприменительного и судебного аспектов правовой коммуникации показывает востребованность различных видов лингвистического анализа. По аналогии с правовыми, финансово-экономическими, психологическими и другими видами экспертных исследований, лингвистические виды анализа выделяются в особый класс лингвистических экспертиз. При этом далеко не всегда не только правоведы, но и лингвисты хорошо ориентируются в разнообразии видов и аспектов лингвистических экспертиз, осуществляемых для целей правовой коммуникации. В связи с этим нет определенности в выборе методов экспертного лингвистического анализа, не сформировано целостное представление о возможностях применения его результатов.

Настоящая работа выполнена в дискурсивном аспекте. Моделируемые в статье

классификации лингвистических экспертиз сопряжены с авторским пониманием природы юридического дискурса как совокупности лингвокультурных явлений действительности, при помощи которых происходит порождение и восприятие правовых текстов и осуществляется правовая коммуникация.

Постановка вопроса о видах и аспектах лингвистических экспертиз, обусловленных функциональной и прагматической сторонами юридического дискурса, объясняется необходимостью формирования целостного представления, во-первых, о природе лингвистического анализа, осуществляемого для целей правовой коммуникации, во-вторых, об особенностях корреляции лингвистических и правовых знаний при проведении лингвистических экспертиз, в-третьих, о специфике соотношения лингвистической и правовой моделей классификаций лингвистических экспертиз.

Теоретический анализ

Традиционно под экспертизой в общем смысле понимается форма исследования какого-либо одушевленного или неодушевленного объекта, продукта речемыслительной деятельности, продукта жизнедеятельности, явления или состояния с помощью применения специальных знаний. Предметная сторона экспертизы как определенного алгоритма вывода знаний связана с процедурами исследовательских приемов теоретических и прикладных наук.

С одной стороны, в объем и содержание широкого родового понятия экспертизы,

© Батюшкина М. В., 2016

в зависимости от предмета экспертизы и соответствующей методологии экспертной деятельности, входят понятия различных видов экспертиз (правовая экспертиза, психологическая экспертиза, лингвистическая экспертиза и т. д.). С другой стороны, различные типы экспертных исследований могут быть отнесены к общему типу экспертных исследований. Данное положение иллюстрируют лингвистическая и правовая модели классификаций лингвистических экспертиз.

Лингвистическая модель отражает исходный взгляд на лингвистическую экспертизу как специальный метод анализа, основанный на представлениях о теории языка, речи и текста. Данная модель рассматривается нами безотносительно к юридической дискурсивной практике. В основе правовой модели — различные аспекты применения лингвистического анализа в юридическом дискурсе. Правовая модель лингвистических экспертиз является дискурсивно обусловленной, а это значит, что она в большей степени отражает своеобразие и тенденции развития юридического дискурса и имеет более прикладной характер. Рассмотрим данные модели более подробно.

Лингвистическая модель. В качестве объекта исследования теоретической и прикладной лингвистик выступает речевая коммуникация в ее языковом и речевом аспектах. Это кардинальное для лингвистики положение было сформулировано Ф. де Соссюром еще в начале XX в. [Соссюр 1999]. Развивая прикладной аспект данного положения, мы полагаем, что объектом лингвистической экспертизы могут выступать как языковые единицы (слова, словосочетания, предложения), так и речевые (тексты).

В зависимости от предмета лингвистической экспертизы — языкового или речевого аспектов — лингвистические экспертизы условно могут быть отнесены к языковедческим или речеведческим. Если в качестве объекта лингвистической экспертизы выступают языковые единицы, то такая экспертиза является языковедческой; если в качестве объекта лингвистической экспертизы выступают письменный, печатный, электронный или устный тексты как речевые знаки, продукты речемыслительной деятельности, то такая экспертиза является речеведческой.

При проведении языковедческой экспертизы учитываются категории фонетики, грамматики и семасиологии. Фонетический аспект экспертизы предполагает артикуляционный и/или акустический анализ речи, исследование особенностей интонирования, акцентирования и др. Грамматический ас-

пект экспертизы предполагает анализ морфологических и синтаксических категорий: грамматических средств, употребления частей речи, типов связей слов в словосочетаниях, форм и структур синтаксических единиц и проч. Благодаря семасиологическому анализу выявляется однозначность или двусмысленность слов, словосочетаний и предложений, смысловая завершенность высказывания, логическое соответствие высказывания речевой ситуации и проч. Языковедческая экспертиза может быть как одноаспектной (соответственно фонетической, грамматической или семасиологической), так и комплексной, предполагающей взаимосвязь указанных аспектов.

Речь — это процесс использования текстов для выражения и обозначения интеллектуальной деятельности, имеющей социально-культурный характер. При проведении речеведческих экспертиз оцениваются особенности: формы речи (устной, письменной, электронной), типа речи (монолога, диалога, полилога), вида речи (говорения, слушания, чтения, письма), последовательности изложения текста, стилистических средств, используемых в тексте, типа текста (описания, обращения, убеждения, внушения и др.), жанра и проч.

Еще раз подчеркнем, что деление лингвистических экспертиз на языковедческие и речеведческие является условным, поскольку любой лингвистический анализ подразумевает комплексное исследование объекта экспертизы, как с позиции языковых, так и с позиции речевых категорий. Наряду с языковым и речевым аспектами экспертом-лингвистом также принимаются во внимание и экстралингвистические факторы. Это делает лингвистическую экспертизу более полной и аргументированной.

С лингвистической точки зрения комплексный подход обусловлен тем, что речевые категории коррелируют с языковыми, в свою очередь, языковые категории (фонетические, грамматические, семасиологические) — друг с другом. В этой связи следует согласиться с Л. О. Бутаковой, акцентирующей принадлежность лингвистического анализа «к обширному семейству текстологических исследований» и подчеркивающей, что анализ «только конкретных слов или фраз (частей высказывания)» дает неполные или неверные результаты [Бутакова 2008: 251, 256].

Положение о комплексном экспертном подходе может быть проиллюстрировано примером разноаспектного исследования устной и письменной форм речи, которые представляют собой «богатейший источник информации о самых разнообразных признаках, характеризующих говорящего или

пишущего» [Алексеева 2011: 114].

Развивая теорию В. М. Бельдяна о формах речи [Бельдян 2007: 221], отметим, что основными механизмами говорения являются построение мыслительного содержания, планирование изложения и выбор языковых средств. Во время подготовки к говорению идет интенсивная работа над данными механизмами, а в процессе говорения непосредственно излагается мыслительное содержание с помощью привычных для говорящего языковых средств. Чем непринужденнее речевая ситуация, тем искреннее с точки зрения слушающего речь говорящего.

Передача информации в устной речи происходит спонтанно и отражает оценочную точку зрения говорящего на предмет речи, речевую ситуацию и собеседника, знания, умения и речевые навыки говорящего, объем словарного запаса, поведенческие установки и другие специфичные для говорящего признаки.

У говорящего, как правило, нет возможности постоянно следить за организацией устной речи. Поэтому устная речь насыщена оговорками, неожиданными перерывами, возвращением к недоговоренному ранее, умолчанием, не всегда завершена. Для устной речи характерны привычные для говорящего речевые маркеры (например: *ну, вот, и (че) там, короче, вообще, значит, так* и др.), синтаксические конструкции. За счет манеры произношения говорящего, интонации, темпа речи, пауз, жестов, мимики и эмоций устная форма речи, с содержательной точки зрения, более информативна по сравнению с письменной и в большей степени отражает индивидуальность говорящего.

Чтобы сделать устную речь более организованной и убедительной (например, при публичных выступлениях), необходима предварительная подготовка, которая выражается в формировании мыслительного содержания, его планировании, подборе лингвистических средств для построения текста. Если говорящий начинает планировать содержание речи в процессе устной речи, подбирая слова для выражения мысли, следя за интонацией, мимикой и жестами, то его речь становится менее естественной, прерывистой (замедленной) и сложнее воспринимаемой.

Письменная речь вторична по отношению к устной, так как является ее отображением. Печатная форма речи является разновидностью письменной. Для отличия письменной формы речи от печатной используется понятие «рукопись». Рукописный текст всегда отражает индивидуальные осо-

бенности почерка конкретного человека (размер букв, промежутки между буквами и словами, наклон почерка, поднимающееся или опускающееся расположение строк и др.) и используется в целях идентификации личности наряду с другими биометрическими признаками.

Письменная форма речи, независимо от того, какой перед нами текст, рукописный или напечатанный, имеет пространственную природу. На письме буквы, слова и предложения выстраиваются линейно и сохраняются на бумаге. Письменную речь можно продумать, исправить и заново переписать (перепечатать), чего нельзя сделать с устной речью. Поэтому письменная речь более организована, нормирована и в зависимости от целей коммуникации имеет специфическое оформление. Выбор адресантом тех или иных слов, грамматических конструкций зависит от его знаний и умений, речевой ситуации, цели высказывания и иных условий коммуникации.

В результате развития электронных информационных систем появились новые способы кодирования информации и еще одна форма закрепления устной и письменной (печатной) речи — электронная (виртуальная). В зависимости от способа образования данная форма может выступать в качестве вторичной как по отношению к устной, так и по отношению к письменной формам речи. При этом если электронная форма речи представляет собой преобразование устной формы речи, то она сохраняет в себе черты, свойственные устной речи (незавершенность, перерывы, речевые маркеры, индивидуализирующие адресанта). И наоборот, если источником электронной формы речи выступает письменная речь, то в ней преобладают черты, типичные для письменной речи.

Правовая модель. Разнородность лингвистических экспертиз, осуществляемых в рамках современного юридического дискурса, связана с тем, как понимаются объект, предмет и задачи лингвистической экспертизы в юриспруденции. Понять ту позицию, которая сложилась в профессиональной юридической коммуникации по отношению к лингвистической экспертизе, нам поможет высказывание А. В. Нестерова о том, что экспертиза как инструмент познания «возникла» в юриспруденции, а потому «продукт экспертизы всегда имеет потенциальное или действительное юридическое значение» [Нестеров 2013: 162—163].

Юридический дискурс рассматривается нами в родо-видовом соотношении с право-творческим, правоприменительным и судеб-

ным субдискурсами. Задачи и востребованность экспертного исследования в том или ином субдискурсе обуславливают выделение трех классов экспертиз: правотворческих, правоприменительных и судебных. В зависимости от объекта и предмета исследования в указанных классах возможно дальнейшее видовое деление, поскольку цели, роль и условия проведения различных видов экспертиз, несмотря на их дискурсивно обусловленную «близость», не являются одинаковыми. В каждом классе выделяется лингвистическая экспертиза как особый вид исследования, специально предназначенного для задач того или иного субдискурса.

Правотворческая лингвистическая экспертиза осуществляется как на общегосударственном уровне, так и на уровне субъекта Федерации при принятии федеральных или региональных правовых актов. К классу правотворческих экспертиз наряду с лингвистической экспертизой относятся правовая, юридико-техническая, антикоррупционная, педагогическая, экологическая, общественная, экономическая, научная и др. У каждого вида экспертного исследования своя предметная специфика, но в целом всесторонний разнопредметный анализ направлен на устранение дефектов в изложении правовой нормы (Л. Ф. Апт, В. М. Баранов, Н. А. Калинина, Т. В. Кашанина, О. А. Короткова, Д. В. Чухвичев и др.).

Поскольку в процессе правотворчества создаются как тексты законов, так и тексты подзаконных актов (постановлений, указов, распоряжений, приказов и проч.), правотворческая лингвистическая экспертиза условно может быть подразделена на подвиды: лингвистическую экспертизу законопроектов и лингвистическую экспертизу проектов подзаконных актов. В зависимости от того, какой жанровый или субжанровый тип текста анализирует эксперт-лингвист, полагаем целесообразным к подвиду лингвистической экспертизы законопроекта отнести такие типы экспертных исследований, как лингвистическая экспертиза проекта базового закона и лингвистическая экспертиза проекта трансформирующего закона. Базовые и трансформирующие законы различаются по цели, форме и содержанию [Батюшкина 2016]. Соответствующее типовое деление может быть осуществлено и по отношению к подвиду лингвистических экспертиз проектов подзаконных актов.

Правотворческая лингвистическая экспертиза не просто обусловлена потребностью подготовки качественного с лингвистической точки зрения текста, она является одним из инструментов языковой политики,

направленных на исполнение дискурсивного алгоритма государственно-правового строительства.

Дефекты изложения правовой мысли, обусловленные недостаточным уровнем сформированности представлений о правовых понятиях и их взаимосвязях, находят отражение в виде неточных, неясных, противоречивых, дублирующих положений [Белоконь 2015; Крюкова 2003; Хибибулина 1996], и наоборот, лингвистическая точность при оформлении правовых предписаний влияет на оформление правовой нормы, ее юридико-лингвистическую определенность.

Под юридико-лингвистической определенностью мы понимаем достаточный объем информации, необходимый для правильного толкования и применения правовой нормы. Достаточность объема характеризуется требованиями, предъявляемыми к языковым единицам (грамматическая правильность, точность и уместность) и тексту как речевой единице (логичность и содержательность). Чем полнее соблюдены эти требования, тем определеннее правовая норма. При этом определенность не означает простоту и доступность, поскольку речь идет не о понимании значения слов, а о понимании смысла правовых понятий. Юридико-лингвистическая определенность, являясь прагматически обязательной для правовых текстов, маркирует стилистический статус данных текстов. Без юридико-лингвистической определенности правовые понятия утрачивают свое истинностное значение, становятся неполными или избыточными, а правовой текст в целом не понимается в нужном смысле или приобретает не свойственные ему характеристики.

Отметим, что в правотворческой практике лингвистическая экспертиза, как правило, рассматривается в узком смысле — как корректура текста (Н. В. Белоконь, Е. А. Крюкова, А. С. Пиголкин, А. Ю. Тихомиров, А. Д. Шмелев и др.). Другими словами, основное внимание при проведении экспертизы уделяется анализу языковых единиц (слов, словосочетаний и предложений), соблюдению правил правописания и особенностей нормативно-правовой стилистики. Об этом, в частности, свидетельствует положение пункта 7 статьи 121 Регламента Государственной думы, согласно которому лингвистическая экспертиза *заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-*

технических ошибок и ошибок в использовании терминов [Регламент Государственной думы... 2016].

В связи с различными подходами к толкованию и оценке текста (юридическим и лингвистическим) в правотворческой лингвистической экспертизе нормативный аспект преобладает над интерпретационным и тем самым нейтрализуются условия для «конфликта» лингвистической и юридической интерпретаций. Между тем, на наш взгляд, правотворческая лингвистическая экспертиза должна включать как нормативный, так и герменевтический аспекты. Только в этом случае можно говорить о комплексном экспертно-лингвистическом подходе к анализу текста. Использование только одного аспекта — либо нормативного, либо герменевтического — не даст должного результата. В дальнейшем дисбаланс нормативного и герменевтического аспектов правотворческой лингвистической экспертизы неизбежно проявляется в процессах применения права, об этом свидетельствуют задачи и востребованность правоприменительной и судебной лингвистических экспертиз.

Основной задачей правоприменительной лингвистической экспертизы является лингвистико-прагматическое толкование текста действующего нормативного правового акта на предмет выработки у адресата обусловленной поведенческой реакции и соответствия данной реакции стратегическим ожиданиям адресанта-законодателя.

Все кажущееся на первый взгляд многообразие реализации адресатом прав в конкретных действиях и речевых ситуациях может быть сведено к трем основным поведенческим установкам, которые формируются посредством правового текста и реализуются в пространстве правоприменительного субдискурса: исполнение, использование и соблюдение [Алексеев 1981: 245]. При исполнении адресат должен точно совершать те действия, которые предписаны ему правовой нормой, т. е. точно реализовывать программу заданного поведения. При использовании адресат наделяется правом действовать или не действовать по своему усмотрению. При этом, как только адресат воспользуется предоставленной ему возможностью, автоматически меняется его поведенческая установка: с использования — на исполнение. При соблюдении адресат не совершает действия, которые запрещены правовым актом («соблюдает закон»). Соблюдение можно назвать «пассивным исполнением», поскольку адресат исполняет правовой акт, не выполняя определенные действия, т. е. бездействуя.

Проблема толкования правовых текстов

закljučается, безусловно, и в том, что большинство людей, не имеющих отношения к юридическому дискурсу, не видит разнообразных подтекстов (юридического, политического, экономического и др.), не воспринимает правовой акт как правовой феномен, его сущностную основу и цель — построение определенной модели поведения в различных ситуациях юридического дискурса. Поэтому, например, объем информации, воспринимаемой адресатом, не обладающим юридическими знаниями, и объем информации, воспринимаемой специалистом в области права, различны. «Лицо, находящееся за пределами дискурсивного сообщества, не имея общего с субъектом-юристом контекста интерпретации, не может правильно раскрыть содержания» текста [Крапивкина 2016: 139].

В процессе восприятия адресатом правового акта может произойти преломление воспринимаемой информации и трансформация правовой семантики. Адресат, как неюрист, так и юрист, может не только «сузить» содержание текста и пределы применения правовой нормы, но и, наоборот, «расширить» это содержание, привнести новый смысл, которого не было в замысле, но который необходим адресату для создания полноты воспринимаемой правовой информации, завершенности и целостности коммуникативной ситуации в соответствующей сфере общественных отношений.

Следует констатировать, что вопросы правоприменительной лингвистической экспертизы в отечественной науке практически не исследованы. В качестве исключения могут быть названы работы, посвященные лингвистическому толкованию правовых текстов, в частности, на предмет неоднозначности толкования, наличия юридико-лингвистически неопределенных, т. е. «неустоявшихся», двусмысленных, оценочных, терминов и понятий (В. В. Астанин, О. В. Барабаш, Н. В. Белоконов, Н. Ф. Бодров, Е. И. Галяшина, Л. О. Бутакова, П. А. Кабанов, А. Д. Шмелев и др.).

Например, О. В. Барабаш отмечает, что проблема одновременного существования различных смыслов в текстах действующих законов приобретает в настоящее время все большую остроту; неоднозначность в тексте правовых документов нередко становится коммуникативным барьером, причиной правовых коллизий, не только приводит к невозможности реализации прав граждан, но и невозможности их защиты в суде [Барабаш 2015: 240].

В зависимости от объекта правоприменительные лингвистические экспертизы так-

же могут быть разграничены на подвиды: лингвистическую экспертизу действующего закона и лингвистическую экспертизу действующего подзаконного акта (постановления, указа, распоряжения, приказа). В свою очередь, в зависимости от жанрового (субжанрового) типа текста возможно дальнейшее разграничение типов экспертиз: к подвиду лингвистических экспертиз действующих законов могут быть отнесены лингвистическая экспертиза базового действующего закона и лингвистическая экспертиза действующего трансформирующего закона; к подвиду лингвистических экспертиз действующих подзаконных актов — лингвистическая экспертиза базового подзаконного акта и лингвистическая экспертиза трансформирующего подзаконного акта.

Вопросы судебной лингвистической экспертизы, в отличие от правотворческой и правоприменительной лингвистических экспертиз, рассмотрены достаточно подробно и с лингвистической, и с правовой точек зрения в работах М. В. Аблина, А. Н. Баранова, К. И. Бринева, Н. Е. Васильевой, И. В. Баженовой, Е. И. Галяшиной, О. В. Кукушкиной, Г. В. Кусова, В. А. Мишланова, М. А. Осадчего, М. Л. Подкалтитиной, Т. Б. Радбиля и мн. др. В настоящее время накоплен значительный исследовательский материал, сделаны теоретические обобщения. Учеными представлены определения понятия, объекта, предмета и задач судебной лингвистической экспертизы, уточнены компетенции эксперта-лингвиста, форма и содержание заключения эксперта-лингвиста и др.

Развивая теорию судебного речеведения, Е. И. Галяшина предлагает под судебной лингвистической экспертизой понимать процессуально регламентированное судебно-экспертное лингвистическое исследование устных и письменных «речевых произведений», которое проводится в целях получения «информации об условиях, структуре, содержании, результатах, участниках и компонентах акта речевой коммуникации на основе комплекса специальных научных познаний» и результатом которого является специальное заключение [Галяшина 2015: 17—21].

Только при соблюдении всех дискурсивно обусловленных факторов лингвистическая экспертиза является доказательством при вынесении судом решения. «Судебная лингвистическая экспертиза выполняет свою процессуальную функцию только в том случае, когда ее конечные результаты содержат юридически значимые выводы, а заключение соответствует принципиальным требованиям к экспертной деятельности» [Галяшина 2015: 19].

В зависимости от предмета спора к судебным лингвистическим экспертизам могут быть отнесены такие экспертные исследования, как экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации; экспертиза по делам о защите прав на средства индивидуализации товаров, услуг и их производителей; экспертиза по делам о защите авторских прав; экспертиза по делам об экстремизме; экспертиза по антикоррупционным делам; почерковедческая экспертиза, автороведческая экспертиза, фоноскопическая экспертиза.

В связи с выделением различных видов и аспектов лингвистических экспертиз, обусловленных задачами юридического дискурса, особую значимость приобретает вопрос о профессиональных компетенциях эксперта-лингвиста. Следует согласиться с Е. Б. Лактионовой в том, что «экспертное исследование опирается на уже известные научные факты и измерительные процедуры и представляет собой их непосредственное применение при решении конкретных практических задач», поэтому экспертиза как инструмент познания «предполагает ориентацию, прежде всего, на компетентность и опыт специалиста-эксперта, личность которого и является главным „инструментом“ исследования» [Лактионова 2008: 20—21].

К профессиональным компетенциям эксперта-лингвиста мы относим лингвистическую компетенцию и экспертную компетенцию. Структура лингвистической компетенции отражает современный научный подход к рассмотрению языковой коммуникации в качестве объекта теоретической и прикладной лингвистики, а также к рассмотрению языкового и речевого аспектов языковой коммуникации. В связи с этим лингвистическая компетенция подразделяется нами на языковую и речевую в их теоретическом и практическом аспектах. Структура экспертной компетенции отражает взгляд на объект, предмет, цели и задачи конкретного экспертного исследования. Экспертная компетенция, в свою очередь, подразделяется на теоретическую (совокупность знаний о лингвистической экспертизе) и практическую компетенцию (совокупность умений, приобретенных на основе опыта экспертной деятельности в определенной сфере: правотворческой, правоприменительной или судебной).

Об уровне компетенции эксперта-лингвиста свидетельствуют методы и приемы, которые он использует. В частности, как полагает С. В. Доронина, применение семантических и прагматических приемов дискурсивного анализа позволяет выделить или

уточнить лингвистические признаки, значимые именно для «правовой квалификации речевых преступлений» [Доронина 2015: 245—249].

Исследователи, развивающие гипотезу судебного речеведения (Е. И. Галяшина, М. Л. Подкалитина), подчеркивают приоритет экспертов, обладающих «двойной» компетенцией, т. е. имеющих теоретические и практические знания в области лингвистики и права, по сравнению с экспертами, обладающими знаниями только в одной из областей (либо лингвистической, либо правовой). Так, по мнению М. Л. Подкалителиной, компетенцию эксперта-лингвиста, проводящего лингвистическую экспертизу экстремистских материалов, составляют знания не только в области лингвистики, но и в области судебного речеведения, теории и практики судебной экспертизы, законодательства о противодействии экстремистской деятельности [Подкалитина 2013: 7].

Данной позиции придерживаются и другие исследователи. В частности, А. Э. Карапетян полагает, что экспертизу законопроектов должен проводить лингвист, обладающий необходимыми знаниями в юридической сфере, поскольку «работа над текстом требует не только навыков корректорской правки, но и знаний требований юридической техники» [Карапетян 2014: 247].

В связи с необходимостью совмещения лингвистических и юридических знаний при проведении различных видов исследований некоторыми учеными анализируются аспекты междисциплинарного лингвоюридического (юрислингвистического) экспертного анализа (Л. О. Бутакова, А. Д. Васильев, М. А. Венгранович, Н. Д. Голев, Г. В. Кусов, М. Н. Черкасова, И. В. Юсипова и др.). Социальная потребность в такого рода экспертизе сегодня очевидна, а это актуализирует не только экспертную практику, но и обуславливает перспективы дальнейших научных изысканий в области юрислингвистики.

Заключительные положения

С помощью интеграции знаний лингвистики и права можно проанализировать влияние лингвистических знаний на развитие правотворческого, правоприменительного и судебного субдискурсов, а также влияние правовых знаний и экстралингвистических факторов на формирование представлений о видах и аспектах лингвистической экспертизы. На этой основе формируются взаимосвязанные и взаимодополняющие друг друга междисциплинарные экспертные установки. Наличие указанных установок имеет принципиальное значение для развития методологии экспертной

лингвистической деятельности, осуществляемой в рамках юридического дискурса.

Делая акцент на функционально значимой стороне вышеизложенной информации, отметим, что мы стремились представить проблему определения родо-видовой типологии лингвистических экспертиз, ориентируясь на представителей и лингвистической, и правовой науки, рассматривающих вопросы повышения качества лингвистической экспертизы, а также качества работы экспертов-лингвистов, осуществляющих в правотворческом, правоприменительном и судебном субдискурсах лингвистическую экспертизу и, таким образом, вносящих свой личный вклад в развитие дискурсивной юридической практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. — М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.
2. Алексеева Т. А. Криминалистическое учение о речи: историко-содержательный аспект // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 343. С. 113—115.
3. Барабаш О. В. Поляризация семантики термина «аукцион» в современном антимонопольном законодательстве // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 240—244.
4. Батюшкина М. В. К вопросу об определении субжанра текстов законов о внесении изменений // Вестн. Брянск. гос. ун-та. 2016. № 2 (28). С. 118—124.
5. Белоконов Н. В. Лингвистическая экспертиза законопроекта: стратегические направления и перспективы развития // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 145—147.
6. Бельдиян В. М., Батюшкина М. В. Введение в языковедение. — Омск: ОГИИ, 2007. 299 с.
7. Бутакова Л. О. Лингвоюридическая экспертиза в пространстве лингвистического анализа речевых произведений, или Что должен знать лингвист, чтобы быть хорошим экспертом // Юрислингвистика. 2008. № 9. С. 251—268.
8. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза в гражданском судопроизводстве: востребованность и компетенции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 17—21.
9. Доронина С. В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 245—249.
10. Карапетян А. Э. Сотрудничество законодателя и лингвиста: лингвистическая экспертиза законодательных проектов // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 246—247.
11. Качество законодательства и проблемы юридической техники: материалы семинара с участием руководителей правовых служб законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. — М.: Изд. Госдумы, 2016. С. 236—272.
12. Крапивкина О. А. Две грани дискурса — две ипостаси субъекта // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 137—143.
13. Крюкова Е. А. Язык и стиль законодательных актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. 22 с.
14. Лактионова Е. Б. Аналитический обзор основных подходов к психологической экспертизе образовательной среды // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 68. С. 18—32.
15. Нестеров А. В. Экспертиза в общей теории экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 2 (30). С. 162—168.
16. Подкалитина М. Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: теоретические и методические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. 28 с.

17. Регламент Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации : утв. постановлением от 22 янв. 1998 г. № 2134-II ГД : в ред. постановления от 09.11.2016 г. № 172-7 ГД // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.11.2016).

18. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.

19. Хабибулина Н. И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1996. 146 с.

M. V. Batyushkina
Omsk, Russia

CLASSIFICATION OF LINGUISTIC EXPERTISE: LINGUISTIC AND LEGAL MODELS

ABSTRACT. *The paper discusses the main postulates of the theory of linguistic expertise. We give definition to the concept of linguistic expertise and classify it on the basis of several approaches. The problem of identifying the subject matter of linguistic expertise in the aspect of theoretical and applied linguistics is discussed. The use of linguistic expertise in legal discourse is analyzed. Some urgent issues in the sphere of interaction between the language and the law are studied. Attention is paid to the fact that success of linguistic expertise depends on the expert's knowledge in Linguistics, Law and expertology. The methodological bases of the research are the theses of the theory of discourse and the theory of verbal cognition. The author makes conclusions and generalizations, which may be useful for the further study of this problem. The object of theoretical and applied linguistics is verbal communication in its language and speech aspects. Based on the subject of linguistic expertise (language or verbal aspect) we may single out language-focused linguistic expertise or speech-focused linguistic expertise. If the object of linguistic expertise is language units, such expertise is called language-focused; if the object of linguistic expertise is written, printed, electronic or oral text viewed as a speech sign or a product of cognitive activity, such expertise is called speech-focused. Based on the type of sub-discourse we may single out law-making, law-enforcement and forensic expertise. The urgency of law-making expertise is proved by the fact that the flaws in the statements may result in vague, inaccurate, and controversial laws.*

KEYWORDS: *linguistic expertise; language of law; legal discourse; discourse analysis.*

ABOUT THE AUTHOR: *Batyushkina Marina Vladimirovna, Candidate of Pedagogy, Senior Consultant of the Department of Linguistic Expertise and Legislation Systematization of Legal Department of the Legislative Assembly of Omsk Region, Omsk, Russia.*

REFERENCES

1. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava. V 2 t. T. 1. — М. : Yurid. lit., 1981. 360 s.

2. Alekseeva T. A. Kriminalisticheskoe uchenie o rechii: istoriko-soderzhatel'nyy aspekt // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2011. № 343. S. 113—115.

3. Barabash O. V. Polyarizatsiya semantiki termina «auksion» v sovremennom antimonopol'nom zakonodatel'stve // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3. S. 240—244.

4. Batyushkina M. V. K voprosu ob opredelenii subzhanra tekstov zakonov o vnesenii izmeneniy // Vestn. Bryansk. gos. un-ta. 2016. № 2 (28). S. 118—124.

5. Belokon' N. V. Lingvisticheskaya ekspertiza zakonoproekta: strategicheskie napravleniya i perspektivy razvitiya // Yuridicheskaya tekhnika. 2015. № 9. S. 145—147.

6. Bel'diyan V. M., Batyushkina M. V. Vvedenie v yazykovedenie. — Omsk : OTI, 2007. 299 s.

7. Butakova L. O. Lingvouridicheskaya ekspertiza v prostranstve lingvisticheskogo analiza rechevykh proizvedeniy, ili Chto dolzhen znat' lingvist, chtoby byt' khoroshim ekspertom // Yurilingvistika. 2008. № 9. S. 251—268.

8. Galyashina E. I. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza v grazhdanskom sudoproizvodstve: vostrebannost' i kompetentsii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2015. № 10. S. 17—21.

9. Doronina S. V. «Komandir! Mozhet, dogovorimsya?»: priemy diskursivnogo analiza v lingvisticheskoy ekspertize tekstov po antikorrupcionnym delam // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3. S. 245—249.

10. Karapetyan A. E. Sotrudnichestvo zakonodatel'nykh i lingvistik: lingvisticheskaya ekspertiza zakonodatel'nykh proektov // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3. S. 246—247.

11. Kachestvo zakonodatel'stva i problemy yuridicheskoy tekhniki: materialy seminarov s uchastiem rukovoditeley pravovykh sluzhb zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub"ektov Rossiyskoy Federatsii. — М. : Izd. Gosdumy, 2016. S. 236—272.

12. Krapivkina O. A. Dve grani diskursa — dve ipostasi sub"ekta // Sibirskiy filologicheskii zhurnal. 2016. № 1. S. 137—143.

13. Kryukova E. A. Yazyk i stil' zakonodatel'nykh aktov : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2003. 22 s.

14. Laktionova E. B. Analiticheskiy obzor osnovnykh podkhodov k psikhologicheskoy ekspertize obrazovatel'noy sredy // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena. 2008. № 68. S. 18—32.

15. Nesterov A. V. Ekspertiza v obshchey teorii ekspertizy // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. 2013. № 2 (30). S. 162—168.

16. Podkalitina M. L. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza ekstremistskikh materialov: teoreticheskie i metodicheskie aspekty : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2013. 28 s.

17. Reglament Gosudarstvennoy dумы Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii : utv. postanovleniem ot 22 yanv. 1998 g. № 2134-II GD : v red. postanovleniya ot 09.11.2016 g. № 172-7 GD // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.11.2016).

18. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.

19. Хабибулина Н. И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1996. 146 с.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. Н. Д. Федяева.